

А. П. Беликов

Кто оставил страну, будут лишены гражданских прав (OGIS. I. 338. стрк. 27–30): к причинам эмиграции из Пергама в 133 г. до н. э.

бычно текст декрета народного собрания Пергама, принятого в 133 г. до н. э., используется только в связи с проблемой завещания Аттала III, но он редко становится предметом отдельного специального изучения. Концовка декрета не сохранилась, поэтому сам текст недостаточно понятен. Однако при внимательном прочтении он может открыть и некоторые важные детали, на наш взгляд, ускользнувшие от внимания исследователей.

Попытаемся проанализировать небольшой фрагмент декрета (стр. 27–30), который, насколько нам известно, еще ни разу не становился предметом специального анализа:

..ὄσοι δὲ τῶν κατοικοῦντων ἢ ὄσαι ἐγγελοῖσιν ὑπὸ
τὸν καιρὸν τῆς τελευτῆς τοῦ βασιλέως ἢ ἐγλίπωσιν τῆμ
πόλιν ἢ τῆγ χωρὰν, εἶναι αὐτοῖς καὶ αὐτὰς ἀτίμουσ τε καὶ
τὰ ἑκατέρων ὑπάρχοντα τῆς πόλεως

«...те же из живущих постоянно, кто или оставил ко времени смерти царя или собирается покинуть город или страну, те, и мужчины и женщины, будут лишены гражданских прав, а имущество каждого из них будет передано городу» [1, с. 47].

Вернемся к обстоятельствам появления этого декрета.

Аттал умер весной 133 г. до н. э., народное собрание состоялось летом того же года. О том же свидетельствует *Senatus consultum* о принятии наследства, датированный июлем 133 до н. э. [2, S. 45; 3, S. 133; 4, p. 54, note 3]. Народ, и это абсолютно точно, еще не знал, как в Риме решена судьба царского завещания — об этом свидетельствует 7-я строка документа: ἐπικυρωθῆναι τῆν διαθήκην ὑπὸ Ῥωμαίων

Ситуация, видимо, была следующая. Рим еще не принял пергамское наследство (самой проблемы завещания мы здесь не будем касаться). Ни римские магистраты, ни войска в Пергаме еще не появились. Восстание Аристоника, очевидно, еще не началось. После смерти царя страна оказалась в периоде безвластия.

В условиях временного вакуума власти гражданский коллектив столицы вернулся к народному собранию, которое при царях в стране, в общем, не играло особой роли [1, с. 96]. Это была вынужденная мера. Пойти на нее, очевидно, заставило какое-то важное обстоятельство, непосредственно затрагивавшее интересы населения. Взять на себя, пусть на время, функцию управления государством народ вынудила какая-то экстремальная ситуация, требовавшая немедленных действий.

Что это было? Хронология событий реконструируется следующим образом.

1. Весна 133 г. до н. э. — смерть Аттала.
2. Как показал А. Тойнби, текст завещания прибыл в Рим в начале лета 133 г. до н. э. [4, p. 54, note 3].

3. В июле 133 г. до н. э. сенат принял решение по пергамскому наследству. Бесспорно, что народное собрание состоялось до того — в промежутке времени между весной и июлем 133 г. до н. э.
4. Источники весьма туманно определяют дату начала восстания Аристоника — «после смерти» Аттала. О. Н. Юлкина явно ошибается [5, с. 164], категорично утверждая, что оно началось еще при жизни царя. Ряд исследователей полагает, что оно началось в том же 133 г. до н. э. Но многие авторитетные историки, в том числе и такой известный антиковед, как Э. Бикерман, считают, что оно произошло в 132 г. до н. э. [6, с. 270].

Вероятно, они правы, ведь в тексте декрета восстание даже не упоминается. Очевидно, оно началось не после смерти царя, а после того, как сенат признал территорию царства своим наследственным имуществом, т. е., в любом случае, уже после декрета народного собрания.

Таким образом, выступление Аристоника не могло быть причиной решений, изложенных в этом декрете. Что же стало тогда такой причиной? Почему были дарованы гражданские права многим категориям населения, ранее таких прав не имевшим?

Можно предположить, что к этому вынудила значительная, возможно, даже массовая эмиграция из Пергама еще до смерти царя и, самое главное — очень большое количество тех, кто собирается покинуть город и страну.

Убыль гражданского населения не только столицы, но и всей страны, следовательно, была очень значительной. Существенное увеличение количества граждан, скорее всего, и должно было восполнить эту уже состоявшуюся убыль. Другие мнения на этот счет — как, например, успокоить население, преодолеть стасис в обществе, уменьшить количество потенциальных участников восстания Аристоника, — представляются менее убедительными.

Очевидно, еще больше было тех, кто собирался эмигрировать, что и вызвало беспокойство и ответные, весьма жесткие меры. Беспрецедентные для любого полиса — когда просто за желание уехать, не только лишали гражданских прав, но и сопровождали это полной конфискацией всего имущества!

Остается вопрос, что же было причиной столь массовой эмиграции, если Рим еще не вступил в наследство, а восстание претендента на трон еще не началось?

Вернемся к первоисточнику. Он угрожает репрессиями тем, кто оставил город или страну ко времени смерти царя (OGIS. I. 338. стрк. 28). Юстин сообщает, что Аттал казнил аристократов (Justin. XXXVI.4.1–2). О том же свидетельствует сам текст декрета — в нем упоминаются рабы, конфискованные из частных владений, ставших царскими. Очевидно, казни сопровождалась конфискацией имущества. Понятно, что родственники убитых, опасавшиеся разделить их судьбу и оставшиеся без средств к существованию, покинули страну. Естественно, вместе с ними бежали и другие аристократы, не желавшие разделить судьбу казненных. Все это — и беспричинные казни, и страх, подтверждает версию о том, что последние месяцы своего правления Аттал вел себя неадекватно, был непредсказуем. Ведь царский дом Атталидов всегда стремился поддерживать хорошие отношения с аристократами. Резко отойдя от такой традиционной политики своих предшественников, которой он и сам следовал в начале правления, Аттал испортил отношения с аристократией как беспричинными казнями, так и своим «странным» поведением, о котором подробно рассказывает Юстин (Justin. XXXVI.4.1–4). Это лишний раз свидетельствует о том, что царь, в конце своего правления, вероятно, был действительно психически болен [7, с. 132–138].

Однако аристократы всегда составляют небольшой процент от численности населения. Только их эмиграция не могла привести к заметной убыли населения. Скорее всего, вместе с ними покинула страну часть зажиточных и рядовых граждан, опасаясь, что следующая волна репрессий может затронуть и их тоже.

Бесспорно, были и другие причины массовой эмиграции. Не случайно источник упоминает тех, кто собирается покинуть город и страну. Явно таких желающих было много. Что представляется очевидным — речь не идет о малоимущих или о лицах,

не имеющих гражданства. Декрет устанавливает конфискацию имущества за желание эмигрировать. Значит, уехать стремились именно состоятельные слои населения. Это опровергает мнения о назревавшем восстании бедноты и массовом недовольстве правлением Аттала низов общества, ведь в таком случае именно они и должны были стремиться к эмиграции. Сейчас уже доказано, что восстание Аристоника началось как выступление претендента на трон и первоначально оно не имело вообще никакой социальной окраски [8, с. 125–151]. Судя по тексту декрета, уехать из страны хотели именно средние слои населения Пергама.

Весьма показательно, что декрет угрожает репрессиями и лишением имущества не только мужчинам, но и женщинам. Косвенно это подтверждает, что количество людей, казненных в последние месяцы правления уже явно психически нездорового Аттала, было значительным. Ведь в нормальных условиях имущественная правоспособность женщин эллинистическим правом была ограничена, а стать полной собственницей семейного имущества зачастую могла лишь вдова. Если такая категория женщин специально и отдельно упоминается в тексте декрета, следовательно, и вдов таких было немало.

Ни социального напряжения, ни восстания на тот момент в стране не было. Простого страха перед «больным царем» не мог заставить сняться с насиженного места столь многих благомыслящих граждан. Очевидно, должна быть какая-то другая серьезная причина.

На наш взгляд, такой причиной и стали известия о завещании царя, уже отправленном в Рим на утверждение сенатом. Содержание самого завещания известно лишь в кратком изложении его римскими авторами. Судя по их сообщениям, царь завещал страну Риму — всю, или только ее часть. Вопреки этим свидетельствам, декрет утверждает, что Аттал «оставил отечество наше свободным» (ἄπολῆλοιπεν τῆμ πατρίδα ἡμῶν ἑλευθέρων).

Добавим, что ни один из имеющихся источников не раскрывает мотивов его завещания [9, р. 80; 10, с. 16–25].

Не касаясь сложнейшей проблемы содержания не сохранившегося текста самого завещания, отметим следующее. В любом случае на сегодняшний день существуют три равно возможных варианта:

1. Вся страна передавалась римлянам.
2. Им должны были достаться только собственно царские владения.
3. Рим вообще не фигурировал в завещании в качестве наследника, а назначался опекуном «свободной» страны.

При любом из этих вариантов завещание подлежало утверждению римским сенатом. И любой вариант не сулил ничего хорошего жителям Пергама. Безусловно, они это хорошо понимали. Никакой другой реальной угрозы на тот момент для Пергама не существовало. Единственная опасность состояла в том, что он мог стать римской провинцией или «подопечной территорией», что, в принципе, мало различалось.

На наш взгляд, это и стало главной причиной заметной миграции из страны. Ее население не хотело жить под римским владычеством!

Веские основания для таких опасений были. Это и само бесправие провинциалов, и произвол наместников, и вопиющие беззакония, которые чинили в провинциях откупщики налогов. Бесспорно, пергамцы обо всем этом были слышаны. Как и о проданных в рабство должниках публиканов в Вифинии, даже не бывшей римской провинцией. Как и о том, что в Птолемеевском царстве, переданном под опеку сената, римляне вели себя как хозяева, бесцеремонно вмешиваясь во все.

Декрет, очевидно, и представляет собой попытку остановить эмиграцию и пополнить уже поредевший гражданский коллектив «новыми гражданами» из числа пареков и наемных воинов.

Таким образом, вероятно, можно выделить две волны миграции. Первая: бегство аристократов и части населения из страны еще при жизни Аттала. Вторая: готовность многих граждан покинуть страну после смерти царя и его завещания, в любом случае

отдающего Пергам под господство римлян, уже прославившихся своим жестким отношением к провинциалам и жителям «опекаемых» государств.

Главной причиной эмиграции, видимо, следует признать даже не «безумие» Аттала, реальное или мнимое, а именно явный страх перед будущим и нежелание населения жить в римской провинции.

Вместе с тем, сам анализируемый текст декрета косвенным образом свидетельствует именно о неадекватном поведении царя, неоправданных репрессиях и вызванном таким поведением страхе населения, что и послужило дополнительной причиной для эмиграции из страны. Притом, все «странности» Аттала проявились незадолго до смерти, когда, очевидно, его болезнь и усилилась. В первые годы своего правления он пользовался популярностью у пергамцев — об этом однозначно свидетельствует «элейская» надпись (IvP.246; OGIS. 332), в которой граждане постановили оказать царю великие почести. Краткий анализ этой надписи со ссылками на подробнейшие ее исследования приводит ведущий отечественный специалист по истории Пергама О. Ю. Климов [8, с. 120–121].

Источники не содержат вообще никаких указаний на недовольство населения и проявления каких бы то ни было социальных волнений при жизни самого царя. Следовательно, довольно распространенное мнение о нарастании социальной напряженности в Пергаме, якобы, и приведшей к восстанию Аристоника, прямо противоречит данным источников. А решение народного собрания о даровании гражданских прав парекам, наемным воинам и некоторым другим категориям населения является, на самом деле, очевидно, всего лишь попыткой пополнить гражданский коллектив, заметно поредевший из-за усиленной эмиграции из Пергамского царства.

Ключевые слова: Декрет, Пергам, завещание Аттала III, римляне, эмиграция.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Климов О. Ю.* Царство Пергам: очерк социально-политической истории. — Мурманск, 1998.
2. *Vogt J.* Pergamon und Aristinicos // *Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina.* — Roma, 1959.
3. *Норф J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. — Munchen, 1977.
4. *Тоунбее А.* Hannibal's legacy. — London, 1965. — Vol. 2
5. *Юлкина О. Н.* Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. — 1947. — № 2.
6. *Бикерман Э.* Хронология Древнего мира. — М., 1976.
7. *Беликов А. П.* Медицинские мотивы в историческом источнике: Юстин о болезни царя Аттала III // *Медицина в художественных образах: Статьи.* — Донецк, 2009. — Вып. 7.
8. *Климов О. Ю.* Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. — СПб., 2010.
9. *Sherwin-White A. N.* Roman foreign policy in the East. 168 B. C. to A. D. 1. — L., 1984.
10. *Беликов А. П.* Завещание Аттала III — состояние источников // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории.* — Ставрополь, 2008. — Вып. 10.

Ключові слова: Декрет, Пергам, заповіт Аттала III, римляни, еміграція.

Key words: The decree, Pergamum, the will of Attalus III, the Romans, the emigration.

